

Антиреалист Казьянский и его религия

РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

Первенец в семье инженера Лазаря Казьянского появился на свет в Самаре. Но уже в восьмимесячном возрасте Яша, в сопровождении родителей разумеется, переехал в Ярославль. На этом основании Яков Лазаревич Казьянский, музыкальный руководитель театра юного зрителя, считает себя коренным ярославцем.

Отцу, ценному специалисту по холодильному оборудованию, во времена тотального дефицита жилья и процветания коммуналок выделили отдельную квартиру. Почтовый адрес этого элитного местожительства звучал очень нестандартно: поселок Холодильник, дом А, квартира 11. Был еще дом под буквой «Б», соседний. Нашли ли свое место на стенах зданий остальные буквы алфавита, Яков Лазаревич не помнит: в те годы эти подробности мальчишке были ни к чему.

Поскольку родители пропадали на работе (мама была бухгалтером), в семье встал вопрос о присмотре за детьми — у Якова уже появился младший брат. Этот вопрос старшие Казьянские решили весьма оригинально: они взяли в дом, в семью, совершенно постороннюю пожилую семейную пару — деда Семена и бабу Анну, не только доверив чужим людям воспитание собственных отпрысков, но и выделив им в безраздельное владение одну из комнат в своей квартире. По тем временам, не говоря уж о сегодняшних, поступок — из ряда вон.

Дед Семен был из Вологодской губернии, из раскулаченных. Бездетные старики настолько привязались к Яше, что он иначе как родных их и не воспринимал. Дед этот был изумительным столярком. Когда он отправлялся в сарайчик мастерить мебель, то обязательно брал с собой Яшу. Мальчик к столлярному делу не пристрастился, но эти совместно проведенные часы запомнил на всю жизнь.

И хотя вряд ли тогда родители Яши преследовали столь глобальную в перспективном плане мысль, как социальная адаптация сына, вовремя сделанная «инъекция» дала положительные результаты. По сей день Яков Лазаревич, будучи очень известным человеком, представителем элитарной профессии, то есть имея все основания для причисления собственной персоны к категории рафинированной интеллигенции, предпочитает об-

щаться именно с простыми людьми. Считает, что, в отличие от собратьев по социальной прослойке, эти люди не держат камень за пазухой.

Детство Якова Казьянского прошло, таким образом, между двух очень разных пластов — социальных, культурных, национальных. Один круг общения определяли те самые простые, бесхитрост-

ные люди, с которыми мальчик знакомился во время деревенской жизни. Обычно на лето семья снимала дом где-нибудь в глубинке. Запомнилось Пошехонье. Городского мальчишку поразило до глубины души, что никому из деревенских жителей не приходило в голову запереть ни калитки, ни сами дома: можно было, не опасаясь наказания,

забежать в любую незнакомую избу и налить себе квасу. И до сих пор стоит только извлечь это воспоминание из закоулков памяти, как наяву ощутимы обалденный аромат и вкус свежеспеченного в русской печи хлеба, хоть и минуло с тех пор ровно пятьдесят лет.

Приезжая в деревню сейчас, с неизменным удовольствием общаясь с соседями, Яков Лазаревич тем не менее с сожалением замечает: нынешняя деревня — совсем не то, что давешняя. Безвозвратно разрушена социальная сущность деревни, печалится наш собеседник, то, что было заложено на генетическом уровне и отшлифовывалось веками, — открытость, просто-

та, доброта, умение и желание работать на земле. Может, поэтому и вспоминаются по сей день та пошехонская деревня и тот каравай, испеченный чуткими и умелыми руками хозяйки дома, тети Соны...

С другой стороны личность Якова формировалась под влиянием еврейской культуры. Хотя мама и родная тетя Яши прекрасно говорили на

Фото из семейного архива.

идиш (они учились в Витебске в специальной школе), с языком детей не знакомили. В семье полагали, что на языке надо разговаривать, а коль этой практики нет, тогда зачем? Обязательное владение идиш в качестве доказательства принадлежности к нации считалось родителями, мягко говоря, неумным. Зато мама и тетя с легкостью переходили на идиш, когда не хотели, чтобы дети вникали в суть взрослых разговоров, — «конспиривались». По детским воспоминаниям, Яшу это достаточно сильно задевало. Но вместе с тем на семейных праздниках непременно звучали ритуальные еврейские песни.

Надо заметить, что достаточно проблемный в те годы национальный вопрос в семье никак не обсуждался и тем более не педалировался. Родители увлеченно строили социализм — при чем здесь, скажите на милость, еврей ты или белорус? Праздники отмечались общегосударственные, как мы сейчас уже понимаем

— политические: 7 ноября, Первомай, 23 февраля... Пожалуй, единственным противовесом общепринятым красным дням календаря была еврейская пасха. Но это первый и последний праздник «не как у всех», который запомнился Яше с детства.

На этом фоне национальной политкорректности отложился в памяти случай, пришедший на школьные годы, когда одноклассница написала на доске: «Казьянский — еврей». Иных личных «гонений» пережить, к счастью, Якову не довелось, но пресловутая «еврейская тема» на уровне разговоров — кто, где и когда пострадал по пятому пункту — непременно присутствовала в любой еврейской компании.

А может быть, эта ужасная антисемитская стихия, которая ломала и калечила людей, прошла мимо еще и потому, что практически лет с пяти для Яши Казьянского не существовало ничего, кроме музыки.

В семье Казьянских про-

фессиональных музыкантов не было, только тетя, Мария Александровна Гербергер, была известным в Ярославле хормейстером. Однако у отца был прекрасный слух — он мог даже настроить фортепьяно, а дед Яши виртуозно играл на балалайке. Другой дед, по маминей линии, пел в самодеятельном оперном театре. У Якова абсолютный слух обнаружили очень рано. Поэтому еще до того, как отправить мальчика в первый класс общеобразовательной школы, родители отвели его в школу музыкальную. Но одаренный ребенок, на удивление, приложением там не блистал — ему было просто-напросто скучно заучивать ноты. Позднее, уже в годы учебы в музыкальном училище, через увлечение сложными, красочными джазовыми гармониями к Якову Казьянскому пришло понимание Дебюсси, Скрябина — достаточно сложной музыки.

Педагога, как я сейчас подзреваю, намучились со строптивым студентом Казьянским весьма и весьма. Он, поклонник чистого искусства, рьяно боролся со сторонниками реализма. Некогда сформулированный им девиз «Искусство не должно быть понятным» актуален для Якова Лазаревича и поныне. А в те годы на уроках музыкальной литературы при идеологическом разборе произведения он доводил до белого каления педагогов невинным вопросом: «А где вы все это прочли? В партитуре — только ноты и ничего не написано про борьбу добра со злом...»

Политически кем-то выверенная методика преподавания музыки вызывала у юноши внутреннее сопротивление: кто и на каком основании решил, что симфония № 5 Бетховена обязательна для изучения, а № 4 — нет, хотя музыка в ней изумительно светлая. По ассоциации с этим, к примеру, очень популярные фортепьянные концерты Рахманинова и Шопена Яков Лазаревич воспринимает, уж извините, как «попсу», а вот симфонии того же Рахманинова — в противовес — обожает, потому что композитор в них раскрывается совсем с другой, «не поповской», стороны.

Словом, музыка к юным лет стала для Якова Лазаревича Казьянского всем — страстью, хобби, призванием, работой, религией. Остается она для нашего героя во всех этих ипостасях и поныне.

Лариса ДРАЧ.